

Валида Будакиду

**Пасынки отца
народов.
Сиртаки давно
не танец**

Квадрология.
Книга четвертая

Валида (Фрида Хофманн) Будакиду Пасынки отца народов. Сиртаки давно не танец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11956119

ISBN 9785447425005

Аннотация

Здесь никто не желал болеть. Замужние дамы, которым за шестьдесят, носили распущенные волосы, красились и безбожно курили прямо на улице. И бабки, и деды очень молодились, вешали на себя множественные цепочки, браслеты. Не от высокого артериального давления, а плетёные верёвочные, похожие на африканские амулеты. Дамы в уши на каждый день вдевали пластмассовую бижутерию под цвет кофточки. И бабки, и деды ещё красили волосы и носили одежду «унисекс».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Пасынки отца народов.
Сиртаки давно не танец
Квадрология.
Книга четвертая
Валида Будакиду**

© Валида Будакиду, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава 1

Греция, то есть Европа оказалась маленькой аграрной страной с узкими кривыми улочками. И, оказывается, у всех жителей этих кривых улочек были машины. У некоторых даже две. Типа, как у Адель было две пары зимних сапог: одни – для работы, вторые, с незастёгивающейся «змейкой» – для двора. В Греции никто для этого не складывал деньги в кубышечку, и про него никто, провожая взглядом в спину, шёпотом не докладывал:

– Они всей семьёй на машину копят! Вот этот, с лысиной что пошёл!

В Греции все покупали машины когда хотели. Хоть новую, хоть «метахиризмено» – бывшую в употреблении. Земля тут была только частная, государственной совсем немножко, и поэтому ценилась на весь золота. Какие уж там гаражи?! Самим жить негде. Вся Греция превратилась в один громадный гараж. Греки ставят машины вдоль улиц, как счётные палочки в пенал. Иногда даже в два ряда. Если надо выехать, а машину закрыли, тот, которого закрыли, начинает очень громко орать и сигналить, пока не приезжает полиция или пока не появится провинившийся водитель второй машины. Иногда он извинялся, иногда тоже начинал орать. Так они орали, орали до посинения, но никогда не дрались. Наоравшись вдоволь, машины разъезжались и движение восстанавли-

ливалось. Машины были и у рабочих, и у «колхозников». Последние, в отличие от городских жителей, обычно ездили друг к другу в гости на тракторах. И жениться тоже ездили на тракторах. И трактора у них были такими крохотными, жёлтенькими, издалека похожими на цыплят. Маленькие квадраты крестьянских угодий на фоне тех, что Адель видела из самолёта, когда летала поступать в институт, будили в душе тоску и ощущение мизера. Тракторишка настырно, с силой утюжил эти надёлы, пробуксовывал, вгрызался в пригорки, потом снова съезжал вниз. А за трактором шла дородная баба и что-то проверяла на ощупь.

В Греции всё было какое-то маленькое. Маленькие, состоящие из одного коридора в два метра и прилавка с сонной продавщицей, магазинчики. Они были гораздо меньше даже самого маленького пустого гастронома в Городе. Маленькие, низкие деревья. Маленькие лавочки в маленьких парках, закаканнх маленькими собачками. И играли в маленьких песочницах маленькие дети, родителей которых совершенно не стесняло, что буквально две минуты назад в этой самой песочнице бегали жизнерадостные собачки.

Собак в Греции вообще очень любили, так что Адель не смогла сразу понять: откуда на тротуаре каждые два шага лежат огромные красно-коричневые горы и их то внимательно, то невнимательно обходили неторопливые прохожие. Здесь всё текло медленнее, словно разленившись от жгучего греческого солнца. Люди ходили медленно, говорили мед-

ленно, днём долго спали, медленно и с аппетитом ели, никуда не спешили и всё время опаздывали. Что интересно – практически с самого переезда в Грецию, несмотря на тяжёлую работу, которую Аделаиде пришлось выполнять, у неё возникло и закрепилось ощущение постоянного, нескончаемого праздника. Даже не потому, что грекам совсем не надо было ждать праздника, чтоб послушать музыку и сходить в таверну, они прямо с самого утра сидели кто в кафетериях вдоль улицы, кто просто на лавочках, включал свою «греческую» музыку и с беспечно-счастливым выражением лица озирался вокруг, ловя неторопливых прохожих, чтоб поболтать. У кого были маленькие магазинчики – просто выносил столик и два маленьких стульчика, садился, раскрывал газетку со спортивными новостями, варил себе ароматный кофе. К нему подсаживался любой, и знакомый и незнакомый, и гостеприимный хозяин мог запросто бесплатно угостить ароматным напитком. Так, покуривая, и гость и хозяин запросто могли протянуть до полудня, потом начинался «месимери». «Месимери» – законный полуденный сон. Греки закрывали ставни, надевали ночные пижамы и спали сном людей с чистой совестью, крепче, чем в младшей группе детского сада... И ещё они около дверей своих магазинов не только подметали два раза в день высокими красивыми мётлами, но и мыли какими-то шампунями мраморные плиты у входа. Тут не нужны пальто. Зимой в жакете и брюках, летом – в просторной майке и шортах, обнажающих корена-

стые волосатые ноги. Г реки завязывают беседу, как будто уже сто лет знают друг друга. У них обязательно находятся общие знакомые, друзья, а в конце обнаруживается, что они вообще близкие родственники. Долго прощаясь с радушным хозяином, отдохнувший прохожий обнимал его и обещал почаще заходить. Женщина тоже могла присесть, отдохнуть. Ей бы принесли холодной водички, поухаживали. Конечно, чем младше была женщина, тем больше бы ухаживал хозяин магазина, но молодые гречанки обычно энергично пролетали мимо сидящих, взмахнув подолом мини-юбочки.

В Греции, в отличие от Города, к пожилым и немощным относились с пониманием, жалели их, но такого культа, как в Городе, не было. В Городе даже молодухи повязывали лоб платком. Это значило, что у них болит голова. А чего она болит? Забот много, вся принадлежит семье, вот и болит... В Городе любили ходить по врачам. Причём одну женщину обычно сопровождали ещё две-три. Сидели в приёмной, ждали все вместе. Больная стонала, плакала. Её успокаивали. Греки тоже любили ходить к врачу, но они ходили для профилактики, два раза в год «сдавали все анализы просто так». Чтоб быть уверенными в своём крепком здоровье.

Здесь никто не желал болеть. Замужние дамы, которым за шестьдесят, носили распущенные волосы, красились и безбожно курили прямо на улице. И бабки и деды очень молодились, вешали на себя множественные цепочки, браслеты. Не от высокого артериального давления, а плетённые

верёвочные, похожие на африканские амулеты. Дамы в уши на каждый день вдевали пластмассовую бижутерию под цвет кофточки. И бабки и деды ещё красили волосы и носили одежду «унисекс». Все хотели выглядеть помоложе и поздоровее. Гречанки очень громко разговаривали, ржали по любому поводу как арабские жеребцы и сами заговаривали с незнакомыми мужчинами. Даже невозможно было себе представить, что бы произошло, если б хоть одну такую бабушку в шортах и декольтированной майке выпустили в Городе! Да-а-а, пожалуй, милиции бы набежало гораздо больше, чем при приезде сына Луиса Корвалана!

Парнишки были очень разными. Они не запиховали рубашки и спортивные майки в штаны и не подпоясывались ремнём под животом или под грудью. Почти все ходили в спортивной одежде и очень красивых, дорогих ботосах. У всех аккуратные стрижки и ёжики, закреплённые желе. Никто на улице не оборачивался на молодого человека с желе на волосах и пахнущего одеколоном! «Всё-таки не все мужчины в бусами и желе – гомосексуалисты! – думала Адель. – Ведь не может же быть такого количества гомосексуалистов в одном городе!» А де-е-евушки... Вот с девушками творилось вообще что-то невероятное! Они, конечно, были не такими стройными, с высокими талиями, как в том русском городе, в котором Адель столько раз пыталась поступить в институт. Они были и меньше ростом, и каких-то несуразных пропорций, укороченные, что ли, но!.. Но у каж-

дой была своя изюминка! И они, видимо, были хорошо осведомлены о местоположении своих «изюминок», поэтому выставляли их напоказ. Большая, хорошей формы грудь – девушка в таком невообразимом декольте, что дух захватывало даже у Адель. Если считалось, что у неё красивые ноги, то девушка просто забывала надеть юбку. Так и дефилировала по улице в яркой кофточке и лёгкой набедренной повязке. А если у девушки не было ничего примечательного, то она показывала... всё! И укороченные, кривоватые ножки, и неразвитое, плоское местечко, то, на котором должна была расти грудь, и коротенькая маечка обнажала толстый животик, и шорты с заниженной талией демонстрировали пресованный жирок. И вся эта прелесть состояла из истошных оттенков самых немислимых цветов: ярко-зелёный с сиреневым, оранжевый с чёрным, лимонный с бирюзовым! И всё это в блестящих стразах, верёвках, цепочках, висюльках. Казалось, если кому-то из этих гречанок хотя бы предложить надеть юбку до пят и серо-чёрно-коричневую ветошь, то они по меньшей мере обидятся или подумают, что это карнавал... Эти яркие девицы рассекали по улицам, выставив вперёд самую удачную часть своего тела. Если проезжающие машины притормаживали и водители что-то у них спрашивали, полуголые девушки не шарахались в сторону, не делали вид, что не слышат, они мило улыбались, подбегали к машине и, показывали дорогу, махали на прощанье водителю рукой.

Аделаида сперва думала, что попала в громадный публич-

ный дом под открытым небом. Ведь не может же замужня женщина с двумя детьми идти по улице в яркой мини-юбке и курить в кафетерии?! А её супругник на всё это спокойно взирать, не сгорев от стыда, и даже не дав ей по морде?! И мама его, в смысле бабушка, тоже может с ними сидеть и при всех курить. Потом она перестала смотреть на этих женщин, потому что ей было очень неудобно за сидящего за столиком человека, считающего себя мужчиной. Скорее всего, водители машин вовсе не дорогу спрашивали, а к девочкам приставали! Хотя, с другой стороны, найти что-то в Греции действительно было целым приключением! Даже вовсе не целую дорогу, а просто улицу, или что-то на этой улице. Типа, идёшь, идёшь, и чувствуешь, что уже пришла, только надо для верности кого-то спросить, дескать, как пройти к...? О! С каким удовольствием греки тебе будут рассказывать, как пройти! И показывать, и объяснять, и говорить, и рассказывать, что буквально недавно посетили именно эти места и всё хорошо здесь знают! Эти рассказы будут продолжаться до тех пор, пока шумом беседы не привлечётся внимание другого прохожего. Он по инерции проскочит несколько шагов вперёд, но услышав, что кто-то интересуется знакомыми ему названиями, скинет скорость. Секунда на размышление и этот прохожий уже спешит на помощь... Исключительно чтоб войти в курс беседы, не споря, второй внимательнейшим образом слушает первого, даже вначале делает вид, что согласен с ним во многом. Но его греческого терпения хва-

тает ненадолго:

– Не-ет! – В какой-то момент укоризненно говорит он. – Не около второго светофора налево, а около третьего направо! И потом не рядом с кофейней, а через дорогу с кафе-терием!

– Да вы что, не здешние, что ли?! – Это уже третий прохожий присоединяется к беседе. – Это же мой район! Я же там ещё во времена хунты школу заканчивал! Я всё хорошо помню! Это вообще в другую сторону! Да, второй светофор направо, но не вверх в гору, а вниз – к морю!

Такое обычно продолжается до тех пор, пока ищущий не опухает от советчиков, не ловит такси и не едет на нём искать свои и чужие светофоры. Однако и такси ещё не гарантия. А спорящие так и оставались стоять на месте и теперь уж выяснять, кто с кем в каком родстве состоит. Проезжая обратно, вполне можно было встретить всё ту же компанию объясняющей друг другу – почему именно он, а не кто-либо другой лучше знает местонахождение того объекта, который прохожий искал.

– Я знаю лучше, потому что именно там живёт крёстный моего внука! У него аптека, а мой сын – врач! И жена его тоже – врач!

– Датам живёт мой родной племянник! Значит, я знаю лучше! Он в ту субботу обручился с девочкой из очень хорошей семьи и у её отца магазин нижнего белья!

Адель от этих разговоров сперва терялась, старалась во-

обще ничего не искать и ни о чём ни у кого не спрашивать. Но потом, со временем как-то пообтёрлась. Ей даже стало нравиться останавливаться на улице с незнакомыми людьми, с ними беседовать, спорить.

Она считала, что ей очень повезло в том, что она никогда не заморачивалась глобальными умными мыслями, не терзалась сомнениями. В ней, несмотря ни на что, всегда жила уверенность, что всё будет хорошо. Она не то, чтобы любила рисковать, да не любила она ничего! Просто никогда не могла реально оценить ситуацию, и всё делала с какой-то завидной бесшабашностью, принимая мир, как сказку, в которой «добро всегда побеждает зло».

Греки хорошие, очень хорошие и очень внимательные. Хорошие они...

Пока они с Лёшей ехали в поезде Москва-Скопье-Афины, её совершенно не беспокоили вопросы – где и как искать работу? Что делать в капиталистической Европе с двумястами долларов в кармане на двоих? На каком языке общаться с аборигенами? Где жить или хотя бы ночевать и купаться? Вопрос о том, что можно заболеть, а Городская поликлиника осталась ну о-о-о-очень далеко, вообще не стоял! С Лёшей вместе какие проблемы? Какие болезни? Их же двое, они любят друг друга, а любовь это Сила!

Лёша оказался не таким жизнерадостным. Пока Адель не могла себя заставить отлипнуть от вагонного окна и всё восторгалась разбросанными вдоль железнодорожного по-

лотна «шикарными», но порванными пакетами, которые у них перепродавали друг другу «с рук» по десять или пятнадцать рублей за штуку, Лёша сидел молча, и изредка выходил курить в тамбур,

А ей нравилось всё! И разноцветные привокзальные киоски, где на витрине лежали в до невозможности красивых упаковках всякие печенья, пластмассовые бутылочки с крутейшей надписью «Кока-кола», и ещё совсем маленькие коробочки, наверное, с фруктовыми «жувачками». От розовых, салатových, нежно-голубых трубочек с надписью по-английски «Фа» – дезодорантов от пота для подмышек вообще захватывало дух и сердце щемило от предвкушения чего-то необычного, замечательного! Урра-а-а-! Да здравствует новая жизнь!!! Уррра-а-а-а! Помоюсь вон тем нежно-лиловым, наверное, шампунем, который возле зубной щётки стоит, вся обрызгаюсь вон тем дезодорантом, пойду по улице и буду забрасывать себе в рот что-то воо-о-он из того пакетика, с нарисованным на нём пацаном в кепке. Я не знаю, что это такое, но должно быть страшно вкусно! В сто, нет, в миллион раз вкуснее дурацкой курицы с орехами! ГЪри она синим пламенем, эта курица! Эти орехи! Эти, похожие на детские ползунки, синие спортивные рейтузы на мужиках, строгие пиджаки, туфли и кепки «аэропорт»! Гори, гори и уродливые драповые бабские юбки до земли! Зачем им в Городе нужны были дворники?! Томные горожанки весь мусор собирали себе в подол! К чёрту шепелявое заискивание и при-

крывание ладошкой рта при смехе, к чёрту «сдержанность»! К чёрту «что люди скажут?!» Какой Лёшечка умница, что настоял на своём и уболтал её ехать в Грецию! Сразу видно – настоящий мужчина! Разве ж она бы когда-нибудь решила сама переехать хотя бы в другой город?! Никогда! Это она только петушиться и выделываться умеет, а на самом дела – страшная трусиха и дура! Зато вот теперь всё начнётся! Они, как и задумывали, сперва поступят в университет. Да, говорят, в Салониках есть большой, шикарный университет. Нет! Сперва снимут квартиру, небольшую такую, но уютную, поближе к университету. Потом сразу пойдут работать, чтоб за эту квартиру платить, и кушать же тоже надо! Потом пойдут, узнают про вступительные экзамены, про то, про сё... Короче, дел – завались! Это очень хорошо, потому что всякие дурацкие мысли и воспоминания отойдут на задний план. И сколько себя можно мучить из-за всякого там?! Ну, было, было! Что ж теперь – убиться?! Зато теперь всё пойдёт хорошо! Всё самое страшное закончилось!

Лёша снова ушёл в тамбур. Адель прилегла на свою нижнюю полку, положив согнутую в локте руку под голову. Она всегда так ложилась, когда думала о чём-то. Она всё ещё очень быстро уставала, ноги в поезде отекали и стали как булочки. Ей было уже больше чем семнадцать лет. И намного больше, чем девятнадцать. Зря она так ждала, ни в семнадцать лет, ни позже чуда не произошло! «Танцующей королевой» она не стала! И, видимо, уже не станет. Вес прибав-

вился пропорционально годам. Только теперь она казалась меньше ростом, потому что в высоту больше не росла, зато ширина... И плевать! Она же решила, что всё оставлось позади, в греции, на новом месте она начнёт всё с начала! Новая жизнь, и они с Лёстиком будут купаться в её бирюзовых волнах!

Вагон большой люлькой раскачивался то вправо, то влево. Как только они пересекли границу, состав перевели на другие, узкие колёса. Оказывается, вся Европа живёт на узкоколейках. Теперь казалось, что вагончик болтается больше. Или это от трёх дней, проведённых в поезде, голова уже сама начала привычно болтаться на шее вправо-влево и ноги разъезжаются. А вдруг это теперь на всю жизнь?! Говорят, у моряков вообще такие походки, от того, что они по палубе ходят вразвалочку и широко расставляют ноги.

Перестук колёс то успокаивал, то снова будил неприятные, так надоевшие ей тяжёлые мысли. Нет, конечно, они совершенно не были связаны с переездом. Переезд – это как раз спасение и избавление от всех бед. Только вот Лёша...

Они и не собирались назло всем «узаконивать» свои прекрасные отношения, им и так было хорошо, только перед тем, как подать заявление на выезд на «историческую родину» – [Грецию, они расписались в ЗАГСе. Как же было не расписаться, если Адель – гречанка и выезжает на постоянное место жительства. А Лёша ей кто? Без бумажки никто! Поэтому обязательно надо было привести в порядок «неза-

конные» отношения, превратив их в «законные». Как только они объявили родителям о своих намерениях, что тут началось! Лёшины родственники и мама прямо и откровенно сказали, что «никогда не могли себе представить такого!». Не могли себе представить, что он может жениться на такой «испорченной», которую «каждая собака в Городе знает», которая «опозорила отца и мать», и которая при своём внешнем виде совершенно не стесняется и ещё позволяет себе вызывающе расхаживать по Городу в брюках! Пустить такую ненормальную в «семью» означало полную катастрофу!

– Ах, ты шалава! Женить на себе пацана задумала?! Я тебе женю! – Убитые позором родственники звонили ей домой в любое время суток.

– Да какого «пацана»?! – Адель старалась не конфликтовать.

Аделька сама себя готовила к свадьбе. Она купила три метра белого парашютного шёлка и села за ручную швейную машинку «Подольск» на зингеровских деталях – шить «свадебный костюмчик» – юбку-клёш с кофтой, чтоб после свадьбы не выбрасывать, а ещё надевать куда-нибудь, на День рождения, например. Кофта должна была быть на пуговичках и с чёрным бантиком под горлом. Мама видела, что Адель что-то шьёт, и равнодушно ходила мимо белых деталей одежды, как если б Адель шила чехол для барабана. Папа вообще не видел, что она шьёт. Папа думал, что Аделаида раскатывает тесто для пельменей. Ни слова, ни полслова

родители не проронили из поджатых губ.

В день, назначенный ЗАГСом для бракосочетания, Адель надела на себя белую обновку, завязала под шеей чёрный бантик. Получился свадебный наряд.

Мама и папа на кухне делали закрутки на зиму. Мама запихивала в банки резанные баклажаны, а папа ставил эти банки в огромную эмалированную кастрюлю с водой.

– Я пошла! – Аделька стояла перед ними в белом костюме собственного производства и в чёрном бантике под горлом...

– Ну, иди! – мама пожала плечами, с силой надавливая на баклажаны, чтоб в банку влезло больше, потому что они потом уваривались и банки получались полупустыми. А это неэкономно!

Папа тряпкой удерживал горлышко банки, обжигаясь, вытаскивал уже готовые, прикрывал их крышками и закатывал специальной каталкой.

– Пока!

– Ну, пока!

Они поселились на квартире. Квартира оказалась через дом с Лёшкиным братом. Лёшка уже давно уволился из ПТУ и теперь работал с братом на такси. Встречались они каждый день, и каждый день, каждую секунду Адель боялась, что Лёша не выдержит прессинга, который ему устроила внезапно неизвестно откуда появившаяся, любящая и переживающая за него родня. То в доме, кроме матери, никто не по-

являлся, то вдруг оказалось, что чуть ли не полгорода переживают за судьбу Адвоката! Обсуждают, спорят, доказывают друг другу: правильно ли он поступает, или неправильно. Пытались разгадать, чем это «жирное чучело» его приворожило? К какой гадалке ходило и чем «обкармливало»? Женская половина представителей рода сама кинулась к гадалкам. Они ходили парами, тройками, как будто Адель стала единственным смыслом всей их жизни, их проблемой, их головной болью. Ничего их больше не интересовало. «Сейчас ты у нас на повестке дня!» – так говорила мама, когда она готовилась поступать в институт. Женщины-родственницы и их подруги потянулись непрерывной цепочкой к «хорошим женщинам» за советом. Так шли и ходки к Ленину. Они собиралась у «хорошей женщины» на кухне. Кто-то приносил чёрный кофе в зёрнах. Потом этот кофе долго прокаливали на сковородке. В такие минуты пожилые курильщицы, уважаемые дамы потому что давно были замужем, дамы раскрепощались и могли спокойно покурить, потому что запах жаренного кофе перебивает запах сигаретного дыма. Высыпав кофе на старую газету, его немного остужали, потом всыпали в похожую на трубу кофемолку. Её крутили все по очереди, она нагревалась, её передавали в соседние руки, она скользила от количества прикоснувшихся к ней ладоней. Кофе молотся очень медленно. За час можно было намолоть на четыре-пять маленьких чашечек. Именно поэтому тот кофе был настолько сладок и ароматен, что рождался из скри-

па колёсиков кофемолки и неторопливых, задушевных бесед о женитьбе Алексея. Потом кофейные чашечки чудесным образом переворачивались, ставились на стол и опирались на блюдце. Из чашек вытекала густая кофейная гуща и капала на стол.

– Сматри, это твой горэ уходит! Все, все уходит... А это што? – вдруг внимательно взглядевшись в край чашки, таинственно произносила «хорошая женщина». – А-а-а... плакат будеш! Минога, минога плакат будэш...

– У вас балшой горэ эст! Кто-то – маладой мущина – уходит! Кто-та умираэт!

– Есть... есть... есть... – леди готовы были разрыдаться. Качали головами и теребили в руках носовые платки, – умирает, умирает... умирает... женится...

– Да, да, да! Женится. Но такой плахой, такой плахой, как лучэ умирает!

– Да! Там всё видно, да?

– На! Сам пасматри! Вот, пасматри, нэ видиш эта черни дэрево? Вот-вот... очен-очен плоха! – «хорошая женщина» всем по очереди пихала в нос очередную чашку и тыкала вилкой в какое-то чёрное пятно. – Он савсэм балной! – продолжала вещать гадалка. – Что эта?.. Что эта?.. Канэшна! Я знала! Она на нэво сдэлала «джадо» – калдавала! Она эму что-то дала кушат и всоо-о-о! Он пакушал вкусна и всо-о-о-о! Тэпэр без нэво не может! Патаму балээт! На, сама посмотри!

Посмотри: видишь это чёрное дерево? Вот это очень плохо. Он совсем больной. Что это?! Конечно, я так и знала! Она на него сделала «джадо» – колдовство. Она его чем-то обкормила и всё! Теперь он не может от неё отойти! Потому и как больной.)

– Аа-а... а вы можете чем-нибудь помочь?

– Ну-у-у... магу...

– Что нам надо сделать?

– Нэ... ви ничаво нэ можетэ делат... Джадо нада снимат!

Это токо я могу дэлат!

– Так давайте будем снимать «джадо»!

– Если так проста бил бы свэ бы снимал! Нада эво намазат медведя жир, и нада что-то дат випит... э-э-э, что я гавару? Какда хочитэ снимат, придиош, дэнги прнисош и бедэм тагда дэлат. Эсли нэт – тада после свадба вобщэ умираэт! (Если б это было так просто, все бы тогда могли снимать колдовство. Его надо намазать медвежьим жиром, дать ему кое-что выпить... эх, что я даром разговариваю? Когда решите снимать колдовство, придёте, принесёте деньги и начнём действовать. Если ничего не предпримете – он женится и после свадьбы умрёт!)

Однако ни медвежий жир, ни павлиний помёт ни капли не помогли! Леший – Адвокат как решил жениться, так и женился.

Видя, какие круги ада проходит её Лёсик, Адель сходила с ума от жалости к нему и даже думать перестала, что ко-

гда-то не верила в искренность его чувств и искала в них какую-то подоплёку! Человек не может противостоять такому натиску со стороны родственников, просто не может! О какой меркантильности могла думать Адель?! Как стыдно, Боже, как стыдно! Лёсик её любит на самом деле, и очень сильно, иначе бы он давно всё бросил, поддавшись уговорам вдруг появившихся тётушек, дядюшек, двоюродных, четвероюродных братьев, сестёр, их мужей! Ни за что и никогда он бы просто так не женился! Какая цель могла оправдать такие жертвы?! Никакая! Как он, бедненький, должно быть, страдал, когда брат его припёр к стенке и орал на весь район, что Лёсик «променял всех их на одну жирную потаскуху!». Но Лёша действительно никого не слушал! У него была своя цель. Он очень похудел и стал менее разговорчивым. Адель стала панически бояться его потерять. Каждое мгновение с ним ей казалось прекрасным, потому что оно могло прерваться в любую секунду...

Она жила в постоянном страхе, в стрессе. Всё проходило мимо. Она снова сидела в кинотеатре, но на этот раз пока с Лёсиком, а на экране шёл незамысловатый сюжет. В любую секунду Лёсик мог выйти из зала. Тогда бы она осталась в полнейшей темноте неотопливаемой комнаты с сырыми, скользкими стенами. Она каждый раз, закрывая за ним дверь, боялась, что он в неё больше не позвонит. Она старалась постоянно чувствовать натяжение его мышц, чтоб понять – спокоен ли он, или готов к рывку, чтоб встать и уйти

навсгде. И всё равно она была счастлива! Счастлива, потому, что теперь могла сколько угодно запирасть за собой дверь в туалете, мыть руки на кухне, если захочет, никто ей не говорил, чтоб она не сутулилась, убрала волосы со лба и встала в шесть утра заниматься химией. Теперь она делала, что хотела! Даже сама попробовала сварить борщ, пока он был на работе, только у неё вечером не оказалось так необходимой для борща петрушки. Часов в двенадцать ночи пришёл Лёша.

Она вообще не могла понять: как она чувствовала его приближение?! Каждый раз, каждую ночь она просыпалась и начинала прислушиваться к шорохам за окном, потому, что знала – сейчас послышится вдалеке звук приближающейся машины на пустынной улице. Больше двух минут она не ждала ни разу. Сейчас заработает лифт... Она вскакивала с постели, распахивала входную дверь настежь и ждала... Как это всегда происходило? Ведь Лёша же всегда приезжал в разное время! Это ж такси! То в двенадцать ночи, то в четыре утра...

Тогда ночью бедный Лёша поел первый Аделькин борщ без зелени. Ой, стыдно... Зато утром, когда он ещё спал, Адель, надев сапоги на босые ноги, спустилась к самодельному базарчику перед гастрономом. Бабушки бойко торговали кто малосольными огурчиками, кто яйцами из-под несушки. Купив пучок зелени, она примчалась домой, нарезала в борщ и снова поставила его кипятить. Потом нырнула на одно-

местный диван, на котором они с Лёшей спали. Диван был таким узким, что они лежали друг на друге. Спали на нём, потому что больше было не на чем.

Лёша её отсутствия не заметил! И значит наивкуснейший борщ, теперь уже с зеленью, станет ему настоящим сюрпризом!

К полудню, когда Адвокат проснулся и сел обедать, увидев плавающую в тарелке зелень, в восторг вовсе не пришёл, а страшно разозлился.

– Ты всё испортила! Зачем ты это туда насыпала?! Вчера был нормальный борщ? Я его ел? Ел! Чего надо было, я тебя спрашиваю?! Что тебе от меня надо?!

Она хлопала глазами, не зная, как объяснить: зачем действительно испортила борщ? И что ей от него надо? Что может быть ей надо? Через два дня Лёша, как глава семьи, летит в Москву, в греческое посольство за разрешением на выезд из страны!

Она дождалась, пока Лёша замолчал, и стала мыть тарелки.

Лёша быстро простил её и вечером у него опять было обычное настроение.

Она проводила его в аэропорт. Регистрация прошла без опозданий.

Лёша сказал, что вечером из Москвы позвонит. Он действительно позвонил, сообщил, в какой гостинице остановился, в каком номере.

– Отлично! – она была безумно рада, потому что мечта Лёши, да и её мечта с каждым днём приближалась. – Знаешь, давай, я тебе буду звонить каждое нечётное число месяца в одно и то же время? Так будет удобно – и ты будешь знать, что я звоню именно в это время, и будешь в номере, и я свои дела распланирую нормально. Только мне надо будет ехать в Большой Город. Отсюда дозвониться невозможно. Ну, всё! Запомни: каждое нечётное число часов в семь вечера.

Он поселился в гостинице «Космос». Рассказывал, что ужасно холодно! Ну, просто ужасно! Что под дверью посольства приходится выстаивать часы напролёт, что на руках пишут номера и каждый час делается переключка, если тебе нет, значит, тебя и не было! Тогда надо записываться снова. Вот он стоит, стоит и потом уходит в кафе греться.

Ой, как Аделаида его жалела! Она прокляла всё на свете, что не взяла отпуск без содержания и не поехала вместе с ним. Конечно, сделать так, чтоб очередь шла быстрее, она бы не смогла, но хоть постояла бы с ним на улице, помёрзла. Ну, и ладно! Зато то об одном бы поболтали, то о другом. С тех пор, как Лёша стал работать на такси, они редко разговаривали. Всё потому, что он очень уставал. Бензин стал страшно дорогим, они с братом переделали машину на газ. Так было экономичней. В салоне машины воняло жутко, стало невыносимо вонять и от самого Лёши, и от его одежды, и даже изо рта. Она вообще перестала лезть к нему целоваться, её от запаха газа выворачивало наизнанку. А че-

го её, собственно, должно выворачивать? И вообще не ясно, отчего теперь многие запахи действуют ей на нервы? Даже запах его одеколona раздражает. Раньше нравился. Может, она, как его... того?.. Ну, того... Как это говорится – «залетела»? Было бы очень интересно! Да не может этого быть. Вон прошлый раз за эту самую лягушку семь рублей пятьдесят копеек на ветер выбросила! И даже не в лягушке дело, а переволновалась как! Хорошо, что тогда пронесло и тревога оказалась ложной. Тётя Анна – мамина подруга-гинеколог сказала, мол, когда Аделаида выйдет замуж, всё само собой наладится? Ничего не наладилось. И Владимир Иванович говорил, что у неё с этим будут проблемы. Он вообще всегда знает, что говорит! Проблемы, значит, проблемы! Значит, она не могла залететь! Только почему-то ей всё время хочется съесть сладкого, и всё время тянет низ живота. Ну, правильно, что тянет! Она и ждёт уже эти «траляля» три с половиной месяца! Это всегда перед менсом распухнешь и живот тянет. Так чего ж всё воняет-то, а?! Воняет улица, подъезд, молоко. Даже чужой старый шкаф в съёмной квартире воняет то ли тухлым деревом, то ли нафталином... А Лёша, бедненький, в этой промёрзшей Москве ждёт очереди! Стоит на морозе один и ждёт своей очереди, птичка моя! Какое сегодня число?! Ведь надо же ехать в Большой Город ему звонить! Ведь мы же договаривались, и он уже, наверное, ждёт моего звонка! Она соскочила с дивана и понеслась умываться в туалет. Ну и рожа! Опухшие и красные,

как у туберкулёзного кролика, глаза. Огромный блестящий нос на всё лицо. Усы над верхней губой... бакенбарды... всё как было! И какого чёрта было к зеркалу подходить?!

Междугородний автобус делал конечную остановку прямо около почты с переговорным пунктом и междугородними телефонами-автоматами. Закидываешь по пятнадцать копеек и говори сколько хочешь! Только когда набираешь код, надо это делать осторожно, а то нафиг дойдёшь до последней цифры, всё срывается и надо снова всё сначала набирать. Лучше заказать переговоры с Москвой. Как звучит! О! Объявят на весь зал: «Москва! Третья кабинка!» И все будут смотреть на меня с завистью!

Когда была маленькая, и в Сочи был дождь, и море «не работало», мы с бабулей ходили на переговорный пункт, там все кричали в звуконепроницаемых кабинках: «Да! Да! Как дела, я спрашиваю!», – и я думала, что они в трубки докрикивают до своего города! И стёкла в кабинках были запотевшими изнутри, и если там были маленькие дети, то они пальцами что-то рисовали на этих стёклах.

Длинные гудки в трубке. Сердце сейчас выскочит! Лёшечка, Лёшечка... ну где ты там?!

– Гостиница «Космос» слушает!

– Здравсте, девушка! Девушка, а можно вас попросить соединить меня с номером? – Адель знала, что ко всем всегда и везде в России надо обращаться «девушка». Сейчас, вот сейчас она услышит голос любимого Лёсика...

– Ваш номер не отвечает! – «девушка» в трубке, казалось, даже злорадствовала.

– Как это «не отвечает»?! Такого не может быть!

– Раз не отвечает – значит, может!

– Девушка! Там должны ждать моего звонка!

– Должны, но, видимо, не ждут! – стало понятно, что девушка на рецепшне улыбается. В трубке запели короткие гудки.

«Может, попытаться набрать ещё раз? – Адель растерялась. – Но если она не соединила сейчас, значит, не соединит и потом! Значит – надо ждать другой смены и говорить с другим человеком! Может, другая девушка соединит! Может, эта дура и вредная? Погуляю-ка я пока по Большому Городу, и потом, через несколько часов позвоню ещё раз. А, может, он и был в номере, но сидел в туалете и не услышал звонка. Может, он так замёрз, что пришёл с мороза, набрал ванну и залёг туда?! Ну, конечно! Так оно и было! Да и девушка здесь вовсе ни при чём! Нормальная девушка, и во все она не улыбалась. Всё, позвоню попозже. Но куда теперь идти? И не погуляешь нормально – какая-то слякоть везде. Противно... И живот тянет больше обычного... Точно, эти „дела“ пришли. Так ведь и вату в аптеке не купишь... Чего теперь делать?!»

Она проходила по любимым с детства магазинам, с паркетными полами, пахнущими соляркой и опилками, часа два. Их специально в Большом Городе посыпали опилками

в плохую погоду, чтоб покупатели не царапали дорогой паркет. На большее её не хватило. Ноги у неё отекли в сапогах, голова раскалывалась. Вернувшись на переговорный, она дождалась своей очереди к Московскому автомату.

Гостиничный номер молчал. Молчал, как если б его утопили. Лёши в номере, видимо, не было. «Как же так?! Он же должен был меня ждать!»

– Ладно тебе! – это опять прорезался её внутренний голос. Он давно уже не приходил, потому что она была очень занята, и он об этом знал. Её Леша с ней. Она беззаботна и счастлива, несмотря на все козни людей и судьбы. Внутренний голос, она заметила, последнее время как-то потеснился, сжался, уступая место её законному супругу. Да, он усох, но на самом деле никогда не покидал Аделаиду, если она действительно нуждалась в его помощи и совете. Он приходил сам, а потом так же незаметно надолго уходил, стараясь не беспокоить, и признавал первенство за Лёсиком. – Ну, нет его в номере, что ж поделаешь?! – верный товарищ хотел её успокоить. – Не пришёл ещё, наверное, со своих переключек! Ничего, послезавтра приедешь снова и позвонишь! Пора домой, сама знаешь – дни короткие, уже совсем темно. Пока доедешь, пройдёшь по своему криминальному микро району! Давай, давай, пошли отсюда!

Адель приехала и послезавтра. И ещё несколько раз. Номер так и не отвечал. Как будто бы в нём никто и не жил. «Но, если он оттуда переселился, то должен же был мне со-

общить? – она терялась в догадках. – Наш-то Город не столица и не областной центр! Это же просто Город! Его переселили, а он просто не может мне прозвониться! Так что ж делать?! Как я теперь узнаю, когда он приедет?! Мне ж надо будет его встречать! И дома подготовиться! Ведь он приедет уставший и замученный».

Под дверь съёмной квартиры её ждала телеграмма: «Прилетаю десятого тчк все дела сделал тчк».

«Вот шляпа! – рассмеялась она. – Зачем ещё шесть копеек выбросил с этими двумя „тчк“. Можно подумать, кто-то проверяет его правописание!»

Десятое апреля было через четыре дня.

Глава 2

В Салониках её сперва по очень большой протекции устроили «икиякос войсос», помощницей по дому. Уборщицей. Потом появился Такие, и тоже по очень большой протекции. Такие был зубным техником, но соорудил себе стоматологический кабинет вместе с зуботехнической лабораторией и ковырялся в зубах клиентов с таким азартом, как иной бездомный в мусорных ящиках. В Греции всё делалось по протекции. Даже хлеб никто бы не стал покупать просто так. Нового клиента приводили в магазин знакомые, представляли хозяину, поручались за него, говорили, что всю жизнь покупают тут и им очень нравится. В беседу вступал сам хозяин «фурно» – пекарни, старался новому клиенту понравиться, чтоб он хлеб покупал только у него.

Такие платил очень мало. Ей даже стыдно было говорить, сколько. Когда договаривались об обязанностях, Такие говорил одно, на самом же деле оказалось совсем другое. Оказывается, в Греции всегда так: работы на самом деле всплывает гораздо больше, чем очерчивает работодатель. Рабочих часов, конечно, тоже больше, а вот деньги могут за что-то удержать, или «забыть» заплатить, потому что «все свои» и ничего в этом плохого нет, если кто-то кому-то бесплатно поможет. За переработку в выходной вообще никто не собирается добавлять, это входило в «хорошие отношения».

Такие страшно удивился, когда Аделька попыталась ему напомнить о «воскресном субботнике» или «субботнем воскреснике». Он тут же ей выставил счёт, в котором значились «обед в таверне во вторник» и «сэндвич с колбасой в четверг», это когда он ел сам и купил ей. Можно подумать, кто-то был голодным! Адель сперва смертельно обиделась, но Олька, которая тоже переехала в грецию и жила по соседству, рассказала ей, что «здесь так живут». Вот она, к примеру, работала в пошивочной мастерской. Хозяйка её попросила дошивать вещи в субботу и в воскресенье. Этой тётке надо было успеть выполнить срочный заказ. Олька заказ приготовила в лучшем виде, ещё и обрадовалась, что получит сверхурочные, потому что за выходные вообще должны платить вдвойне. Потом она себе купила отрез и попросилась в мастерской у хозяйки пошить на её швейной машинке юбку. Хозяйка, естественно, разрешила, но предупредила, что Олька может шить себе юбки только в нерабочее время. Олька шила ночью. А в пятницу вечером был расчёт за неделю. Хозяйка отсчитала, что платила обычно, как будто Олька два выходных на неё не горбатилась.

– Спасибо! – сказала Олька. – Но ведь я же переработала два выходных! Вы мне должны ещё за четыре.

Хозяйка была страшно удивлена:

– То, что тебя по-дружески попросили помочь, чтоб я не потеряла клиента – ты это посчитала «работой» и хорошо помнишь. А то, что пользовалась моей швейной машинкой,

шила себе что-то, стирала иголку, она знаешь, какая дорогая! Жгла свет – это ты забыла?! Да... в наше время пропали человеколюбие и милосердие!

Все истинные ценности подменены ложными! Только деньги, деньги, деньги... Вот так! Я тебя на улице подобрала, дала тебе работу, плачу тебе, а ты просто помочь не захотела! Подумаешь – пришла на выходные, прогулялась по улице! Что тебе дома было делать? Можно подумать, ты так занята! Вот она какая молодёжь выросла. Выродился мир, выродился!

Хозяйка очень обиделась, что Олька оказалась такой неблагодарной, не понявшей и не оценившей хорошее к ней отношение. Хозяйка так обиделась, что в тот же день дала Ольке расчёт, удержав несколько дней за «нарушение» Олькой контракта. Хозяйка с ней договаривалась на месяц, а Ольку уволили через две недели! Где теперь она, спрашивается, срочно найдёт себе новую швею? Вот, пожалуйста, будет простой...

– Она так расстроилась, – говорила Олька, – так переживала, что её в очередной раз «обманули», а она, «как ребёнок повелась». Она так страдала, как будто это не она меня выставила на улицу с двумя детьми, а я её! Представляешь?!

Поэтому, когда ко всем уборкам хозяйской территории ненавязчиво присовокупилось хождение для Такиса по магазинам, банкам, на почту, оплаты его домашних счетов, стояние в очереди в налоговой, помощь жене донести что-то,

присмотреть за ребёнком, и всё это после работы, и ещё много чего, о чём Адель не подозревала, что такое бывает, она уже была готова к таким поворотам судьбы, как внезапный расчёт и «адио!», как говорили греки. Такие входил в роль «афендиго» -работодателя всё больше. Он стал посылать Аделаиду к своей маме в клинику, в которую поселил её после какой-то операции, и как выяснилось, уже до конца дней. Такие не хотел «брать сиделок, которые непонятно как к маме будут относиться», он хотел, чтоб Адель ночами с его мамой сидела. Бесплатно, разумеется.

– А что с тобой случится?! – удивлялся Такис. – То ты посидишь, то жена. Одну ночь ты, одну Вера.

Аделька быстро поняла, что грекам нельзя перечить. Чтобы в новой стране выживать, надо было «ассимилироваться» быстро.

– С удовольствием! – Адель почти плакала, стараясь показать Такису, что переживает за его больную мать больше него самого. – Я бы и сама это сделала, даже не ожидая твой просьбы. Мы ведь должны помогать друг другу!

За эту фразу в Греции многое простили!

– ...но, знаешь, – проникновенно, понизив голос продолжала она, – дело в том, что мой муж, – а ты же видел эту здоровую лошадь? – меня к тебе страшно ревнует! Как только я произношу твоё имя, он аж зубами скрипит. Он мне не верит, что твоя мама болеет! Он думает, что я с тобой... это, ну... ну ты ж понимаешь, почему женщина может до-

мой не приходите ночевать! Ты такой красавец, что к тебе вообще невозможно не ревновать! У тебя и с сиделкой будет проблема, если только она замужем... тяжело тебе, такому импозантному мужчине...

Коротконогий, похожий на каракатицу Такие кивал и соболезновал Адельке, что у неё в мужьях «такая лошадь». Не понимал он только одного – как можно к нему приревновать именно Аделаиду?! Ладно бы Аделаида была на тридцать килограммов меньше, а бюст?! От пятого номера-то никуда не денешься, у Такиса напрочь портилось настроение только при упоминании об этом месте женского тела. Именно бюст он считал самым большим недостатком в женщинах. Вообще ему было категорически непонятно, как Лёша мог жениться на этой «корове», как называл он в глаза и за глаза Аделаиду?! По греческим понятиям, это ж какое приданое должны были давать, чтоб Адель взяли замуж?!

Именно приданое выручало пол-Греции в замужестве!

Очень, очень гуманный закон, прописанный в Конституции страны, обязывал отца невесты давать за ней внушительную сумму, земли побольше и, главное, дом, или на худой конец квартиру, чтоб «молодая семья» имела базис для своей надстройки. На этом – на наличии базиса – обязанности невесты после свадьбы и заканчивались. Жена имела полнейшее право никогда в жизни больше не работать, и никто не смел упрекать её в тунеядстве. Самая же интересная в этом законе часть звучала так: если молодой зять не со-

гласен с размером выделенной за его женой суммы, то есть он считает, что у отца невесты есть возможность «помочь» больше, зять имеет конституционное право подать на своего тестя в суд, и закон полностью на его стороне.

Такие взял Верку в жёны из очень бедной семьи и всю жизнь при первой же возможности напоминал ей об этом.

Такие вообще любил напоминать. Когда он согласился вставить своей матери зубы, то каждый раз при её приходе говорил:

– О! Гемисе топос ме пелатес! (О! От клиентов не протолкнёшься!) «Заработаем» сейчас! Будут ходить такие – и всё! К лисами то магази! (Наш магазин закроется!)

Греки почему-то все заведения называют «магази». «Магази» и бар, и дискотека, и зуботехническая лаборатория. Настоящий же «магазин» в свою очередь – это «супермаркет» или «магазин с одеждой».

Месяца два он скулил, что его «магазин» закроется. Всё время, пока вставлял зубы в мамашу. Мамашу он, оказывается, вообще любил, потому что его отец, оказывается, с «войны домой не вернулся и по четырём сыновьям не скучал». Он остался в Италии, родил там ещё троих дочерей и был счастлив. Так вот, мать их, четверых братьев, оказывается, одна воспитывала. Такие её очень любил.

Через два месяца Такие внезапно перестал оплакивать «разорившийся магазин».

– Видишь, Коста, – однажды за утренним кофе расфило-

софствовала с Аделаида с младшим братом Такиса, – твой брат больше не жалуется на финансовый крах из-за маминых зубов!

– Да, конечно! – Коста шумно выдохнул и затушил «бычок» в пепельнице с водой. – Взял с неё три пенсии, вот и замолчал!

Всё это было бы смешно, если б не в таких количествах и не каждый день, но ещё раз сменить работу было почти невозможно.

Адель до переезда никогда не могла бы себе даже представить, что счастье человека так сильно зависит от его внешности, а в Греции вообще всё зависит от внешности! Конечно, и здесь надо хоть немного уметь мычать. Всё оказывалось вовсе не так, как учила мама. Если ты старательная, умная и, как там у нас говорилось, «начитанная», но у тебя лицо в прыщах, или большой зад, с тобой и разговаривать не будут! И абсолютно никому не интересно, что ты «абитуриентка мединститута»! Да ты его хоть пять раз уже закончи, мединститут свой, если ты не соответствуешь определённым нормам, никто тебя на работу не возьмёт. Больше всего, оказывается, в Греции ценились хорошенькие дурочки, костлявые девочки с маленькой головой: с аккуратненько ухоженными волосиками и умеющие кокетничать. Только такое поведение в этой стране ни в коей мере не расценивалось как «кокетство». Это называлась «глика», – то есть – «сладенькая». И именно эти и правили Грецией в любом за-

ведение и даже на уровне правительства. Если у тебя конфликт с «гликой», конечно же выставят тебя, хоть ты работай над диссертацией для своего же работодателя. Чрезмерная прыть и сообразительность причислялись больше к недостаткам девушки, чем к её достоинствам. Адель несколько раз пыталась подыскать себе что-то другое, без Такиса и без его невысказанных поручений. Но как только она приходила по объявлению, её очень выразительно осматривали и потом обещали «позвонить». И никогда не звонили. Или сразу говорили, что «место уже занято». Она не была «гликой». Наверное, вид уборщицы, но объёму занимающей почти весь крохотный туалет в каком-нибудь крохотном магазюшке, ввергал хозяина в бездну уныния. Он вспоминал, что мечтал «расшириться», да вот финансы пока «не позволяют». Всё оказалось с точностью наоборот. Переехавшие из СССР, а в особенности те, которые были из тех же мест, что и Адель, очень сильно отличались от местных своим внешним видом. Когда пошла первая волна переселенцев, греки на них оборачивались на улице из здорового интереса и очень пристально их рассматривали. Потом по привычке, рассматривали меньше и старательно обходили стороной. Особенно их волновали жутко длинные, до земли юбки – мусорозаборники. Местные «кирии» принципиально не могли понять, почему понтийки в таких ходят?

«Понтийцами» или «россопондиями» здесь называли выходцев с Понта Эвксинского. В основном это были репа-

трианты с побережья Чёрного моря; они, сами привыкшие к туристам и моде курортной зоны, довольно быстро начали перестраиваться и не так сильно выделялись из прохожих. Те же, которые спустились с гор, ни за что не хотели менять свои привычки и образ жизни. Наоборот, казалось, они выставляют напоказ свои обычаи, законы и относятся в местным с презрительным пренебрежением, каждый раз удивляясь тому, как такие бескультурные люди могут населять землю вечной Греции!

В пятиэтажном доме, в котором Адель с Лёшей сняли двухкомнатную квартиру, «россопондиев» не было. Когда они приехали, такого слова не было. Их называли просто по именам: Алексей стал «Алекси», или «Алекос». «Аделаида» для греков было тяжелее, чем Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей. Греция очень долго находилась под влиянием турков, поэтому и «Сулейман» и «Бендер-бей» им ближе и понятней, чем длинное название Австралийского города. Хотя те, кто ездил к родственникам в Австралию, были в восторге. Но таких, имеющих в Австралии родственников, был только один. Поэтому все остальные новые знакомые решили называть её просто «Мария», как здесь звали в честь Богородицы добрую половину прекрасного пола. Аделаиде совсем не было обидно. Очень даже наоборот! Потому что те, кто не мог запомнить «Аделаида», называли её «русская», а это было неправдой. Приятно, конечно, но неправда. «Русские» в её понятии – стройные, высокие, с узкими

талиями и распущенными светлыми волосами.

Квартирка была на первом этаже, как считалось у них в Городе. В Греции, в частности, в Салониках, «первым» считался жилой этаж. А так как на уровне земли были только «магази», то все вторые этажи считались первыми. «Алекси с Марией» сняли самое дешёвое «исогио» – квартира на уровне земли. Да, ну и нормально! Открываешь дверь и выходишь во двор без всяких лестниц ни вниз, ни вверх. Нормальная квартира. Две маленькие комнаты, кухня и туалет.

Кто знал, что здесь квартиры сдаются совершенно пустыми?! Без несчастных стульев и занавесок! Без плиты на кухне и кухонного стола! И на всё это – на съём, на договор и всякое разное ушло больше половины долларов, которые им выдали в Городском банке на обменные рубли. И доллары, оказывается, были «долларами» там, в Советском Союзе, а здесь они были малооплатёжеспособными бумажками, которые тоже надо было обменять на драхмы! Доллары никто не брал. Гречи даже не понимали, что за зелёные бумажки им показывают. Драхмы были огромными и мягкими, как портянки. И всё измерялось в сотнях и тысячах. Тысяча драхм! С отрезанной от тела головой статуи античного героя без зрачков. Вот «тысяча рублей» это было круто! Тысяча рублей это было... было целое состояние! Одна Аделаидина знакомая прибавила к тысяче рублей ещё полторы и купила себе однокомнатную квартиру! Ещё на тысячу

рублей можно было купить четыре пары джинсов. Любых! Тысячу рублей Адель никогда не видела. Она получала восемьдесят на руки после всех удержек и платы за какую-то сумашедшую «бездетность». А тысяча драхм... На тысячу драхм можно было купить килограмм свинины и двухлитровую банку «Кока-колы». Или десять пар колготок. Или двенадцать хлебов... На двенадцать хлебов тратить тыщу драхм было безумно жалко! Лучше купить какие-нибудь тапочки, потому что крем для рук стоил тоже почти тыщу...

На пятитысячной купюре был изображён мужик в тубетейке и с усами. Аделаида свято верила, что это греческий Богдан Хмельницкий.

Килограмм мяса и бутылка «Коки»... А Лёша хотел есть каждый день!

Квартирку им помогли обустроить добрые соседи. Они без стука входили, толкнув входную дверь плечом, вносили какие-то вещи, то, что им не было нужно. Переговаривались друг с другом, спорили, доказывали что-то. На Адельку не обращали особого внимания. С ней только приветливо здоровались, проходили мимо, так, словно они тут хозяева, пришли обустроить квартиру на свой вкус, в которую поселят диковатых, но всё же любимых родственников из дикой России... Они в первый же день принесли стулья, стол. Кто-то сам повесил занавески на окна. С дырочками, прожжённые в нескольких местах сигаретами, но это были настоящие, знаменитые «греческие занавески»!.. Кто-то приволок мат-

рас и положил его в спальне на пол. А одна добрая душа даже принесла кастрюлю с горячим супом!

Жить уже можно было, только деньги улетали с какой-то космической скоростью! Какие «колготки»?! Какие «джинсы»?! Всё уходило на еду и проезд в автобусе. Когда пришёл первый счёт за свет, Аделаида подумала, что у неё галлюцинации!

Они работали оба. Лёша на стройке, Аделаида, кроме Такиса, убирала квартиры. Каждый день, приходя на работу, она думала, что её выставят с позором именно сегодня. Она выяснила, что не знает языка ровно в ту минуту, когда спрыгнула с подножки поезда на вокзале в Салониках, и не понимала ни слова из того, что ей внушающим тоном говорили хозяйки. Она согласно кивала, потому что знала – хозяйка считает, будто Адель «плохо» говорит по-гречески, но то, что ей вся речь кажется непрерывным, катастрофическим потоком, хозяйка не знает! Хозяйки каждое утро начинают с длительных бесед по телефону. Они кричат в трубку:

– Акривос! Акривос!.. (Точно! Точно!)

Адельке казалось, что хозяйка рассказывает своей подружке, какая у неё бестолковая домработница, а та ей советует:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.